

Блинникова Анна Валерьевна
Иркутский государственный университет

Воспитание «цифрового верноподданного»: роль образовательной среды в легитимации систем социального контроля (опыт КНР и РФ)

Аннотация. В статье исследуется роль современной образовательной среды в легитимации систем социального скоринга и формировании нового типа гражданской идентичности — «цифрового верноподданного», использованы кейсы Китая и России. На основе теоретических концепций Л. Альтюссера об идеологических аппаратах государства и М. Фуко о паноптизме, авторы анализируют механизмы нормализации надзора в учебных заведениях. Основное внимание уделяется опыту КНР, где интеграция технологий мониторинга в педагогическую практику трансформирует понятие цифровой безопасности в инструмент идеологической лояльности. В работе проводится дискуссионное сопоставление китайской модели с российскими практиками цифровизации образования (платформы «Сферум», «Движение Первых», электронные дневники). Авторы обосновывают тезис о том, что образовательная среда выступает первичным звеном цифровой социализации, где традиционное институциональное доверие замещается алгоритмическим подтверждением благонадежности. Делается вывод, что результатом такой трансформации становится интернализация контроля, при которой субъект адаптирует свое поведение под требования автоматизированных систем оценки ради сохранения социальной мобильности.

Ключевые слова: цифровой верноподданный, социальный контроль, скоринг, образовательная среда, легитимация надзора, паноптизм, цифровая социализация, идеологический аппарат государства, лояльность.

Blinnikova Anna Valeryevna
Irkutsk State University

Fostering a "digital loyal subject": the role of the educational environment in legitimizing social control systems (experience of China and the Russian Federation)

Abstract. The article examines the role of the modern educational environment in legitimizing social scoring systems and shaping a new type of civic identity — the «digital loyalist». Based on L. Althusser's theoretical concepts of ideological state apparatuses and M. Foucault's theory of panopticism, the authors analyze the mechanisms of normalizing surveillance in educational institutions. The main focus is on the experience of the PRC, where the integration of monitoring technologies into pedagogical practice transforms the concept of digital security into a tool of ideological loyalty. The paper presents a discussion comparing the Chinese model with Russian practices of educational digitalization (platforms like «Sferum», «Movement of the First», and electronic diaries). The authors substantiate the thesis that the educational environment serves as the primary link in digital socialization, where traditional institutional trust is replaced by algorithmic verification of reliability. It is concluded that the result of this transformation is the internalization of control, where the subject adapts their behavior to the requirements of automated assessment systems to maintain social mobility.

Keywords: digital loyalist, social scoring, educational environment, legitimation of surveillance, panopticism, digital socialization, ideological state apparatus, loyalty

Введение

В условиях стремительной цифровизации экономики и роста роли алгоритмических систем общественный контроль выходит на новый уровень, требуя пересмотра роли образовательной среды в формировании гражданской грамотности и критического отношения к социальному скорингу. Актуальность проблемы усиливается тем, что образовательные институты способны либо закреплять легитимность контрольных механизмов, либо стимулировать осознанное сомнение и анализ последствий использования данных.

Цель исследования — выявить роль образовательной среды в легитимации систем цифрового надзора и социального скоринга, а также сопоставить механизмы формирования идентичности «цифрового верноподданного» в образовательных практиках КНР и РФ. 1). Выявить теоретические основания и психолого-педагогические механизмы легитимации цифрового надзора в образовательной среде. 2). Провести сравнительный анализ макроструктурных моделей цифровой социализации в образовательных институтах КНР и РФ. 3). Сформулировать практические рекомендации по развитию критической цифровой субъектности учащихся.

Теоретический фундамент исследования базируется на концепциях «надзорного капитализма». Центральное место занимает работа Ш.Зубофф, доказывающая, что человеческий опыт стал сырьем для извлечения поведенческой прибыли [11]. Инфраструктурный аспект алгоритмического принуждения рассматривается через призму работ Ф.Паскуале о непрозрачных алгоритмах рейтингования и В.Юбанкс об автоматизированном воспроизводстве социального исключения [6], а также К.Кроуфорд, подчеркивающей экстрактивную природу ИИ-систем [4]. Л.Альтюссер рассматривает школу как «идеологический аппарат государства», воспроизводящий социальные отношения через усвоение правил и норм [1]. М.Фуко в работе «Надзирать и наказывать» описывает паноптизм, при котором субъект сам становится принципом своего подчинения [3].

Методологически работа опирается на качественный подход: контент-анализ образовательных программ и политических документов по цифровой экономике; сравнительный анализ практик Китая и России; синтез теоретических положений с эмпирическими кейсами.

Результаты

Образовательная среда как макроструктурный идеологический аппарат (макроуровень)

В логике Л.Альтюссера школа выступает не просто пространством передачи знаний, а ключевым идеологическим аппаратом государства [1], как писал сам мыслитель: «Школа берет детей из всех классов и в течение многих лет внедряет им навыки, обернутые в господствующую идеологию» [1, с.89]. В цифровую эпоху эта макроструктурная функция радикально переопределяется. Если индустриальная школа формировала «дисциплинированного рабочего», то в современных условиях образовательная среда все более нацелена на производство «цифрового верноподданного» — субъекта, чье поведение прозрачно, предсказуемо и алгоритмически подтверждено. Образование становится первичным узлом легитимации перехода к «надзорному государству», где расширение цифрового контроля подается как нейтральная «оптимизация сервисов», повышение эффективности управления и гарантия безопасности.

Проведенный автором контент-анализ нормативного поля подтверждает институционализацию данных процессов. В КНР базовым ориентиром выступает «План строительства системы социального кредита» и последующие регламенты, постулирующие создание атмосферы «искренности» через цифровой мониторинг. В китайской педагогической модели концепт культуры цифровой безопасности претерпевает качественную трансформацию: от набора технических навыков он смещается к форме гражданского долга, тем самым школа становится каналом, через который государственные

представления о допустимости тотального мониторинга переводятся в язык морали и ответственности. В КНР это неразрывно связано с дискурсом повышения «качества» населения, где социальный скоринг презентуется как «инструмент развития добропорядочности и построения общества высокого взаимного доверия, а не как карательный механизм» [8, с.1570].

В российском контексте механизмы формирования цифровой лояльности закрепляются иначе — через «Стратегию развития информационного общества в РФ», где приоритет отдается формированию «безопасной информационной среды». Цифровой надзор легитимируется преимущественно через оборонительный дискурс информационной безопасности, защиты суверенитета и профилактики деструктивного поведения [6]. Если в КНР скоринг носит открытый характер, то в российской образовательной среде формируется распределенная система скрытого скоринга, ядром которой выступают цифровые портфолио, электронные волонтерские книжки (платформа ДОБРО.РФ) и рейтинговые системы внутри таких структур, как «Движение Первых». Социально одобряемая активность алгоритмически конвертируется в баллы, открывающие доступ к социальным лифтам — от дополнительных баллов к ЕГЭ до путевок в федеральные центры. Российский учащийся втягивается в конкурентную борьбу за верификацию своей благонадежности, которая оправдывается административно-технологической необходимостью [3].

Как подчёркивает Ш. Зубофф, за подобной макроструктурной риторикой скрывается логика «надзорного капитализма», в рамках которого «человеческий опыт провозглашается бесплатным сырьем для перевода в поведенческие данные» [12, с. 472]. Школы и вузы, интегрируя цифровые экосистемы, начинают выступать бесперебойными каналами поставки таких данных [12] (например, платформу «Сферум» и электронные дневники в РФ; элементы социального кредита в КНР). Регулярное использование этих платформ приучает учащихся к мысли, что перманентная алгоритмическая оценка — неизбежный и нормальный формат социальной видимости.

Как отмечает К. О’Нил, «алгоритмы — это мнения, облеченные в математическую форму» [10, с. 104], но в образовательной среде они презентуются как абсолютно объективные и нейтральные механизмы, что маскирует их политическую природу [10]. Подобные системы классификации, как показывает В. Юбанкс, не только упрощают управление, но и способны воспроизводить социальное неравенство, превращая технологическую инфраструктуру в механизм цифрового исключения [7]. Кроме того, цифровая трансформация образования, по мнению Н. Селвина, меняет сами формы педагогической власти и контроля над учащимися [11, с 36].

2. Психолого-педагогические механизмы интернализации контроля (микроуровень)

На микроуровне школьная и вузовская практика демонстрирует, как внешние, макроструктурные требования надзора постепенно превращаются во внутренние убеждения и поведенческие привычки учащегося. Опираясь на теорию паноптизма М. Фуко, можно констатировать формирование «цифрового паноптикума» в образовании. Постоянный автоматизированный мониторинг оценок и онлайн-активности приводит к тому, что субъект перенимает оптику надзирателя: «он принимает на себя ответственность за принуждение; он заставляет его действовать на самого себя; он воспроизводит в себе отношения власти» [4]. Как точно формулирует Фуко, в условиях непрерывного сбора данных «видимость — это ловушка» [4], и ученик начинает надзирать за самим собой.

Процесс интернализации норм цифрового контроля реализуется через три взаимосвязанных канала. **Первый канал** — содержание куррикулума. Уроки по цифровой безопасности, праву, обществознанию и информатике целенаправленно транслируют нормативные представления о рисках, ответственности и «правильном» поведении в сети. В КНР эти образовательные нарративы неразрывно связаны с идеалами повышения качества населения и коллективной репутации, которые формируют образ идеального

гражданина как субъекта с высоким социальным рейтингом, который адаптирует свое поведение ради сохранения статуса в автоматизированной системе добровольно, а не из страха административных санкций [8]. В РФ подобные дисциплины («основы безопасности и защиты Родины», «основы российской государственности») чаще подают тотальный надзор как неизбежный элемент инфраструктуры государственной безопасности, смещая фокус с гражданских прав на обязанности пользователя [3].

Второй канал — рутинная учебная практика и генерация цифрового следа. Использование электронных дневников, систем прокторинга и платформ коммуникации («Сферум») формирует у учащегося стойкое чувство перманентной наблюдаемости, интеграция этих платформ с «Госуслугами» формирует чувство наблюдаемости и у родителей. Постепенно ученик начинает соотносить свои действия не только с ожиданиями педагогов или родителей, но и с потенциальной реакцией алгоритма, от которого в итоге зависят его рейтинги и допуск к социальным лифтам, таким образом в российских школах происходит бесшовная интеграция образовательного процесса в государственные IT-экосистемы. «Привязка учебных профилей к платформе «Госуслуги» стирает границу между частным пространством и институциональным контролем, приучая субъекта к мысли, что его повседневная рутина является объектом государственного внимания [3], [6].

Третий канал — педагогическая медиация и дискурсивная среда [2]. Там, где преподаватели инициируют обсуждения о правах человека в цифровом пространстве, предвзятости алгоритмов и возможностях оспаривания машинных решений, у учащихся формируется критическое отношение к надзору [10], [12]. Однако при доминировании технократического подхода «педагог превращается в невидимого проводника алгоритмической власти», как показывает С. Нобл, «алгоритмические системы скрывают отношения подчинения под видом технической нейтральности, что особенно критично для анализа образовательных платформ» [9].

Ключевую роль в этих механизмах играет качественная трансформация доверия, если традиционно образовательная среда строилась вокруг межличностных отношений в парадигме «учитель — ученик», то в условиях цифровизации институциональное доверие все больше опирается на веру в абсолютную непогрешимость алгоритма [5]. Оценка машины начинает восприниматься как априори более объективная и справедливая, чем субъективное мнение педагога, а значит — не подлежащая оспариванию. В КНР подобное делегирование доверия цифровым системам органично подкрепляется официальным нарративом о создании «общества взаимного доверия» [8], где прозрачные данные гарантируют честность. В России этот процесс носит амбивалентный характер, в результате чего формируется «идентичность адаптивного пользователя — прагматичного конформиста, который осознает присутствие контролирующей инстанции, но принимает это как неизбежную плату за комфорт и доступ к ресурсам» [3, с.47].

Дискуссия

В КНР государство успешно продвигает скоринг как инструмент «повышения качества» граждан, где надзор воспринимается как «способ создания общества высокой степени взаимного доверия» [8, с.183]. В российском контексте доверие к подобным системам носит более технократический характер, как указывают исследователи, «институциональное доверие теперь опирается на веру в непогрешимость алгоритма и защищенность инфраструктуры» [3, с.50]. В обоих случаях результатом становится формирование идентичности «цифрового верноподданного», для которого алгоритм является высшим арбитром репутации [8].

Сравнительный анализ образовательных сред КНР и РФ, обобщенный в Таблице 1., позволяет автору выявить фундаментальное различие в идеологической легитимации надзора при поразительном сходстве конечных социальных эффектов в двух странах.

Таблица 1.

Сравнительный анализ моделей цифровой социализации в КНР и РФ

Параметр сравнения	Модель КНР («Suzhi»-подход)	Модель РФ («Security»-подход)
Ключевой дискурс	Повышение «качества граждан» (<i>suzhi</i>) и создание общества высокого взаимного доверия	Обеспечение информационной безопасности, борьба с экстремизмом и защита суверенитета
Роль образования	Инструмент идеологической лояльности и формирования «социальной добропорядочности»	Технократическая оптимизация управления и мониторинг цифровой активности
Восприятие надзора	Как способ создания «общества гармонии» и подтверждения благонадежности	Как амбивалентная практика, легитимируемая через приоритеты стабильности
Целевой тип субъекта	Активный участник системы, стремящийся к повышению рейтинга	Адаптивный пользователь, принимающий контроль как условие безопасности

Несмотря на идеологические различия, образовательные модели КНР и РФ демонстрируют схожий процесс, как то: традиционное институциональное доверие вытесняется алгоритмической верификацией статуса. Школа становится первичным институтом цифровой социализации, где критическое мышление нередко уступает место технократическому функционализму: если Китай успешно внедряет скоринг как инструмент нравственного развития [8], то Россия легитимирует инфраструктурный мониторинг через государственные платформы [3], оправдывая это риторикой превентивной безопасности и защиты суверенитета [6]. Фундаментальным итогом обеих стратегий выступает конструирование идентичности «цифрового верноподданного». Образовательная среда трансформируется в идеологический инкубатор, закрепляющий установку: образцовый гражданин — это субъект с верифицированным, предсказуемым профилем, добровольно адаптирующий свое поведение под требования автоматизированных систем ради сохранения социальной мобильности.

Стоит отметить, что роль школы при этом парадоксальна, ведь она одновременно нормализует надзорные технологии и сохраняет потенциал для их критического осмысления. Безусловная вера в объективность больших данных нередко маскирует угрозы автономии субъекта, превращая его опыт в ресурс алгоритмического управления [12]. За фасадом технологической нейтральности скрываются риски использования непрозрачных математических моделей [10]. Более того, подобные системы способны автоматизировать механизмы «социального исключения» [7] и воспроизводить скрытые формы дискриминации [9]. Доминирование чисто технократического подхода подавляет гражданскую рефлексию и незаметно трансформирует сами формы педагогического контроля [11]. В противовес этому, системное внедрение курсов по цифровой этике и правам данных формирует у учащихся осознанный запрос на прозрачность технологий и более взвешенное отношение к цифровизации государства [3].

Практическая значимость данного исследования заключается в обосновании необходимости перехода к комплексной образовательной стратегии, которая должна неразрывно связывать техническую грамотность с этико-правовым анализом. В перспективе дальнейших исследований предстоит выяснить, как сбалансировать императивы государственной безопасности с защитой прав личности, что позволит превратить учебные заведения из инструментов алгоритмического контроля в площадки для открытой общественной экспертизы цифровых инициатив..

Заключение

Проведенное исследование показало, что современная образовательная среда выходит за рамки классической дидактики, становясь ключевым механизмом легитимации цифрового надзора.

В рамках первой задачи, опираясь на концепции Л. Альтюссера, М. Фуко и теории надзорного капитализма, установлено, что школа функционирует как идеологический аппарат, а цифровой контроль презентуется учащимся не как инструмент власти, а как объективная инфраструктурная норма. На микроуровне это ведет к интернализации контроля, когда постоянная алгоритмическая видимость формирует привычку к самоцензуре и адаптации поведения под машинные требования.

Решение второй задачи выявило, что при глубоких идеологических различиях макромоделей КНР и РФ их социальные эффекты идентичны: если в Китае цифровой надзор оправдывается дискурсом гармонии и повышения «качества» граждан, то в России — риторикой безопасности и административного суверенитета. Как отмечает автор в обеих системах традиционное межличностное доверие замещается верой в непогрешимость платформы. Итогом становится формирование единого типа субъекта — «цифрового верноподданного», который вынужден оптимизировать свою алгоритмическую репутацию ради сохранения социальной мобильности, репутации, возможностей.

Отвечая на третью задачу, приходим к выводу, что преодоление безусловного подчинения технологиям требует системного воспитания критической цифровой субъектности. Образовательная политика должна преодолеть сведение цифровой грамотности к утилитарным навыкам, сместив фокус на этику данных, прозрачность алгоритмов и право оспаривать машинные решения. В завершение еще раз отметим, что именно в школе определяется, станет ли тотальный мониторинг естественной нормой или объектом правовой и гражданской рефлексии.

Список источников

1. Альтюссер, Л. Идеология и идеологические аппараты государства (заметки для исследования) / Л. Альтюссер ; перевод с французского С. Б. Рындина. — Текст : электронный // Неприкосновенный запас. — 2011. — № 3 (77). — URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2011/3/ideologiya-i-ideologicheskie-apparaty-gosudarstva-zametki-dlya-issledovaniya.html>
2. Блинникова А.В. Перспектива применения медиативных технологий в процедуре общественного контроля. // Наука и современность. 2016. № 44. С. 41-49.
3. Добролюбова, Е. И. Оценка цифровизации взаимодействия государства и граждан / Е. И. Добролюбова, А. Н. Старостина. — Текст : электронный // Статистика и экономика. — 2021. — № 2. — С. 45–52.
4. Фуко, М. Надзирать и наказывать: Рождение тюрьмы / Пер. с фр. В. Наумова под ред. И. Борисовой. — М.: Ad Marginem, 1999. — 480 с.
5. Crawford K. Atlas of AI: Power, Politics, and the Planetary Costs of Artificial Intelligence/ K. Crawford. — New Haven: Yale University Press, 2021. — 400 с.
6. Dementiev, V. E. Prospects for Russia Under the Digital Domination of China and the United States / V. E. Dementiev. — Текст : непосредственный // Herald of the Russian Academy of Sciences. — 2022. — Vol. 92. — P. 434–441.
7. Eubanks V. Automating Inequality: How High-Tech Tools Profile, Police, and Punish the Poor / V. Eubanks. — Minneapolis: University of Minnesota Press, 2018. — 320 с.
8. Kostka, G. China's social credit systems and public opinion: Explaining high levels of approval / G. Kostka. — Текст : непосредственный // New Media & Society. — 2019. — Vol. 21, no. 7. — P. 1565–1593.
9. Noble S. U. Algorithms of Oppression: How Search Engines Reinforce Racism / S. U. Noble. — New York: NYU Press, 2018. — 384 с.

10. O'Neil, C. Weapons of Math Destruction: How Big Data Increases Inequality and Threatens Democracy / C. O'Neil. — Текст : непосредственный. — New York : Crown, 2016. — 272 p.
11. Selwyn N. Should Robots Replace Teachers? AI and the Future of Education / N. Selwyn. — London: Routledge, 2019. — 240 с.
12. Zuboff S. The age of surveillance capitalism / S. Zuboff. — London : Profile Books, 2019. — 678 p.

Сведения об авторах

Блинникова Анна Валерьевна, доцент, кандидат философских наук, институт социальных наук, Иркутский государственный университет, Иркутск, Россия.
SPIN-код: 5672-7289,
ORCID: 0000-0001-8553-2679

Information about the author

Anna V. Blinnikova, Associate Professor, Candidate of Philosophical Sciences, Institute of Social Sciences, Irkutsk State University, Irkutsk, Russia.